

РАЙ

Мне приснилось сон, волнующий и тревожный. Я устроился на какую-то работу, тяжелую и однообразную, в тесном помещении, в темное время суток. Меня отчислили из университета, и я был заживо похоронен в четырех стенах. Однажды ночью мне позвонили на сотовый телефон. Это была женщина, которую я всю жизнь хотел спасти. Она очень много работала, скопила денег и теперь сама решила спасти меня. Она приехала на черном автомобиле, блестящем в оранжевом свете фонарей, позвонила мне и спросила, где лучше его поставить. Поднялась в квартиру. Мать накричала на нее. Накричала страшно и психоделично, как бывает только во сне: с каким-то даже визгом и ревом, — и мы с той женщиной, подавленные и вконец разбитые, уехали ко мне на дачу. Там было сумрачно и холодно, в домик постоянно пы-

тались войти чужие люди, а я никак не мог запереть входную дверь: щеколда не держалась в пазу, замки заклинило...

Несколько дней после этого я ходил сам не свой. Сон не был вещим. Мне приснилось то, что было, впоремешку с тем, чего никогда не будет. Отделить одно от другого невозможно: слишком ненадежна память, слишком много накопилось в ней вымысла и бредней, чтобы суметь с документальной точностью восстановить события, на основе которых был составлен мой сон, и понять, что о той женщине я помню, а что додумал.

Моя жизнь пуста и неинтересна. Меня действительно отчислили из университета, и я устроился на тяжелую работу, однако причина упадка вовсе не в этих лежащих на поверхности событиях.

Единственное, что доставляет радость, — это память о былых временах. Воспоминания и сны накатывают теплыми волнами, как морской прибой; перед гла-

зами плывут лица утерянных друзей, образы красивых мест. Но из-за прогрессирующей болезни память стремительно мелеет, словно умирающий Арал. Ты пытаешься искупаться, уходишь от берега на километры, а воды все по колено.

Во всякой жизни бывают моменты, когда хотелось бы подвести итоги. Их можно приурочить к празднованию дня рождения, к переезду на новую квартиру, а можно просто заглянуть в экзистенциальную пропасть, по краешку которой тянется наше существование, ужаснуться и подумать, что лучше разобраться в себе сейчас, ибо потом может быть слишком поздно.

Но к чему мне разбираться в себе, если я ненавижу мемуары? Да, ненавижу. Однако я боюсь одной штуки. Землетрясения. Не простого (хотя простого тоже боюсь), а того, которое бывает в голове у психов. Собаки уже воют, предчувствуя его. На какое-то совсем недолгое время меня защитит ауторефлексия: я буду держать перед глазами известные мне критерии сумасшествия, буду сверять с ними каждую свою мысль... но рано или поздно и ауторефлексия начнет работать против логики. Достаточно только одной ошибки, неверно употребленного падежа. «Клейпучку пьют все...» Или «Клейпучка пьет всех»?

Землетрясение разрушит память, а без воспоминаний у меня совсем ничего не останется. Так что я пишу не мемуары. Я делаю то, что опытные пользователи персональных компьютеров называют *back up*: создаю резервную копию данных, которая сохранится в надежном месте, если с компьютером (моим мозгом) стряется беда.

* * *

Как-то все не задалось с самого начала. А может, и не с самого. Кажется, пока мне не исполнилось 5 лет и меня не отправили в детский сад, я жил в раю. По иронии судьбы, о тех временах вспомнить практически нечего: они забылись еще до того, как мозг начал деградировать. Может, потому и видится тот первый отрезок жизни раем? Нет, я знаю точно: то был рай, волшебное ощущение выхода из небытия, сингулярность рождающегося сознания и самоощущения.

А вот в детском саду жизнь уже потихоньку покапталась по наклонной плоскости. Я тогда этого не знал. Ребенок в этом возрасте блажен: мир наполнен магией, а о том, что что-то в жизни может быть устроено неправильно, еще нет никакого представления, кроме инстинктивного «так не честно!» и «он первый начал!». Вообще-то, эти две сентенции и являются основой всей человеческой этики, но чтобы, опираясь на них, проанализировать какое-то событие, нужно обладать опре-

деленным жизненным опытом и подвижным умом, а у меня этих вещей и поныне накопилось не так много. Вот так я и жил в блаженном неведении, и хотя райское ощущение магического мира с годами таяло, бедствия, обрушивавшиеся на меня, не воспринимались как нечто неестественное и трагическое; я от этих бедствий страдал, но мне и в голову не приходило, что может быть как-то иначе. И точно так же не понимал я, что с бедствиями нужно бороться, непременно, «как кровь из носа», иначе — смерть.

Что это были за бедствия? В отличие от раннего детства, я хорошо их помню, словно в каждом из моментов унижений осталась крупца моего сознания, и теперь я — это мое отражение в разбитом зеркале, осколки которого раскидали по дороге прошлого. Я очень не хочу помнить свои бедствия, а поскольку эта писанина — *back up* воспоминаний, то пусть такие воспоминания горят синим пламенем, когда память пожрет безумие.

И все-таки пару слов о них сказать стоит — просто для того, чтобы мои разговоры о так называемых страданиях не казались переливанием из пустого в порожнее.

В детском саду меня впервые ударили по лицу. Это было прямо как в боевике: очень эффектно и лихо. Меня левой рукой взяли за волосы, а правой хорошенько врезали. Хотя мог ли «хорошенько врезать» детсадовский ребенок? Вопрос интересный. По-настоящему-то меня никогда не били: не ломали руки, не пинали лежащим, не оставляли все тело в синяках, не заставляли плевать кровью. Но всю жизнь *они* давали мне понять: за хорошей головомойкой дело не встанет. И всю жизнь я ее боюсь.

Почему меня ударили по лицу? Я этого вспоминать не буду. Надеюсь, мне удастся забыть это событие, и пусть потом, когда я свои воспоминания прочитаю, оно покажется мне переливанием из пустого в порожнее, словно случилось не со мной.

После детского сада было такое: учительница в школе меня возненавидела. На протяжении двух лет (во втором и третьем классе) она на каждом уроке унижала меня. Дети видели это и на переменах продолжали ее начинания («учительница — вторая мама»). Впрочем, углубляться в подробности не стоит: если память от этой дряни очистится, представить дела тех дней будет уже невозможно, и самые красочные воспоминания останутся голыми буквами. О том и мечтаю.

Из той школы меня забрали и перевели в более хорошую. Я успел поучиться в трех школах, и каждая следующая считалась лучше предыдущей. А мне в каждой следующей становилось еще хуже.

Так вот, в следующей школе я три года проучился в одном классе с маньяком. Тот, кто этого не испыты-

вал, не поймет. Как и тот, кто умудрился забыть. (Надо половину мозга разнести, чтобы от таких воспоминаний ничего не осталось.) Я каждый день шел в школу как на казнь. Каждый день, просыпаясь утром, я знал, что сегодня мне сделают больно. И все равно шел. В голову даже мысли не закрадывалось, что против этого можно взбунтоваться (и что против этого взбунтоваться необходимо!). Этот человек (маньяк) и вправду был психически нездоров; в обычную школу его взяли только благодаря тому, что мать его работала там же учительницей и обладала некоторыми связями. Он еще в психушке несколько раз лежал и получил инвалидность классе так в восьмом.

Спустя три года (а в те времена три года длились совсем не так, как для взрослого человека) маньячество всплыло на поверхность. Помню, всполошились родители, учителя, школьный психолог... Они не вникали в подробности и сказали мне выйти в доске и рассказать обо всем перед моим классом, дабы «товарищи» оценили масштаб происходящего. И я, как дурак, вышел.

Маньяку пришлось из школы уйти. Одноклассники мои устроили ему бойкот и засунули головой в унитаз. Было здорово. Но лучше моя жизнь от этого не стала. Говорят, пролетарии из КНДР, сбежав в Южную Корею, так и продолжают батрачить, а вот партийные бонзы, отказавшись от идеологии чучхе, становятся на Юге предпринимателями и банкирами. Почему-то я этому верю. Выросший в унижении человек уже никогда не распрямится.

Не распрявился и я. Один ушел, а на его место встал десять. И не маньяков, а вполне здоровых людей. Да только что об этом говорить? Это казалось само собой разумеющимся.

* * *

Хочу напомнить себе, что я в те годы не был ангелочком. Я был таким же, как мое окружение, и только острый дефицит физической силы мешал творить столь же отвратительные вещи, какие проделывали мои враги. Если б нашелся человек слабее меня, я бы с удовольствием превратил его жизнь в ад. Но я был до поры до времени самым слабым и ограничивался подлыми, шакальими поступками по отношению к окружающим.

Хотя чего это я? Уж от себя самого мог бы не скрывать, не списывать на больную память. Нашел я как-то человека, бывшего слабее меня. Происходило это как раз в тот период, когда сумасшедшая учительница наставляла на меня одноклассников. Учился со мной вместе один мальчик. Он, должно быть, очень болел, и остальные ребята считали постыдным его обижать. А вот я обижал: и бил, и оскорблял. И вовсе не

из желания отомстить всему миру за то, что *они* проделывали со мной. Я всего-навсего был как все. Пытался быть. Никаких позитивных примеров передо мною не стояло, или, может, я их не считал позитивными. В любом случае, понимание, что такое зло, в моей голове отсутствовало.

Мне тогда было лет семь или восемь, до знакомства с идеями Сократа оставалось порядка десятилетия, а потому я не мог знать, что не только мне неведомы понятия добра и зла, — о них вообще мало кто составил представление. И вся моя предыдущая и последующая жизнь стала сплошной иллюстрацией того, как люди, *желая добра*, производили на свет такое зло, какое не сделаешь под руководством и самой лютой ненависти.

Но об этом позже. Сейчас же надо сказать, что хоть с философией Сократа, хоть без, а зла я наделал изрядно.

Был у меня во дворе товарищ, Сашка его звали. Мы с ним считали себя лучшими друзьями и «дружили» без малого десяток лет. А по факту мы только и делали, что устраивали друг другу подлости. То он найдет себе нового приятеля и начнет меня унижать. То я, вступив с кем-нибудь в сговор, начну его оплевывать. Не раз мы бросали друг друга в щекотливых обстоятельствах, предъявляли друг другу нелепые претензии, устраивали скандалы, склоки, стоили целые интриги. Были и хорошие моменты. Например, когда мы открыли для себя алкоголь и вместе напивались. Или били бутылки на пустыре. Или поджигали брошенные автомобили. Но из моего рушащегося мозга эти моменты почти стерлись. Запомнить надо одно: однажды я ему надоел, и он, предав меня в сотый раз, стал дружить с по-настоящему удачными парнями.

Были у меня и другие товарищи. На недостаток их жаловаться не приходилось. Однако всех роднила одна черта: они общались со мной лишь в те моменты, когда им было скучно. Например, когда их настоящие друзья уезжали на дачу. Или когда между ними возникали ссоры. Помню, один мальчуган сказал: «И пусть Лешка не дружит со мной! У меня всегда есть друзья в запасе!» Вот я и был для всех таким «другом в запасе», а едва появлялась хоть какая-то альтернатива общению со мной, про меня тотчас забывали. Это в лучшем случае. А ведь частенько те, кто проводил со мной время вчера, сегодня уже плевали в меня и насмехались надо всем, что успели про меня узнать. Уже тогда было во мне что-то бесконечно унылое, навевавшее на окружающих тоску, или же что-то ненормальное, отталкивающее, неуловимые признаки психической болезни, по-настоящему оформившиеся лишь спустя многие годы. Не могли же столько людей *случайно* ненавидеть, презирать и сторониться меня?

Сознание мое в те времена было окутано магией детства, пускай и уходящей, и выявлять тревожную тенденцию в своих отношениях с окружающим миром я не мог. Несмотря на причиняемые страдания, текущее положение дел воспринималось как норма.

* * *

По мере взросления страдания становились четче, а магии вокруг оставалось все меньше. И я стал от реальности бежать. В детстве я очень любил читать, в особенности фантастику. Шекли, Азимов, Уэллс, всевозможные сборники, журналы «Искатель» шли влет.

Любил я и телевизор. Особенно наши с ним отношения заладились, когда в четвертом классе приятель рассказал мне о существовании канала «СТС». Я настроил его на телевизоре и после школы (а возвращался я часа в два-три пополудни) садился перед голубым экраном. Отходил только в районе восьми вечера, когда приходили с работы мать с бабушкой, да и то только для того, чтобы кое-как накалякать домашнее задание и сразу же продолжить просмотр, но теперь уже вместе с родителями.

Этот телевизор серьезно испортил мне зрение. То было время электронно-лучевых трубок, которые мерцали с частотой 50Гц, что само по себе утомляло глаза. Вдобавок на журнальный столик, на котором стоял телевизор, мать взгромоздила компьютерный монитор, и смотреть на экран приходилось под большим углом и с расстояния порядка одного метра, что, понятно, не вписывается ни в какие санитарные нормы.

И чего я только не смотрел! И советскую мультипликацию, и американские мультсериалы, и мыльные оперы, и боевики, приключенческие фильмы, фантастику самого разного (но преимущественно очень низкого) качества, и детективы. Вся эта ерунда преобразалась в моем детском подсознании в сюжеты для игры. Больше всего я любил представлять себя инопланетянином: *гигантским зеленым яйцекладущим котом с тремя фиолетовыми глазами*. Мой корабль потерпел крушение на Земле, и мне пришлось принять человеческий облик, чтобы местные ученые-в-говне-моченые не сгноили меня в лабораториях. В эту свою фантазию я практически верил.

Прошло время. Телевизор сломался, а наша семья была настолько нищей, что починить его или купить новый родители не считали целесообразным (голодные 90-е годы и начало 2000-х). К компьютеру меня не подпускали: он стоил много денег, а работал очень нестабильно, и мать боялась, что в моих руках он окончательно умрет. Фантазия работала все хуже, воображать себя зеленым котом уже не получалось. Оставались книжки, но то, что я в них читал, не вполне меня устраи-

вало. Не получалось найти в книге мир, где все было бы хорошо и где хотелось бы остаться. И в один прекрасный день, классе так в седьмом, я решил стать писателем. Написать книгу, в которой я запечатаю все ускользающие фантазии и смогу в любой момент к ним вернуться, когда начну ее перечитывать: попаду во вселенную, где все будет по мне. Очень быстро произошло тщеславие, и я подумал, что неплохо было бы писать не только для себя, но и для других, чтобы люди восторгались написанным мной, хвалили меня, ну и, по мере возможностей, проникались красотой образов, захватывавших меня целиком.

Писать про зеленого кота и его планету было уже не очень интересно (хотя изначально предполагалось ввести это все по ходу развития сюжета). Поэтому я решил поместить действие в невероятно красивый Дождливый Мир, который мне часто снился, а главными героями сделать самого себя, некоего идеального друга, которого мне так не хватало, и идеальную девушку, которой мне начинало не хватать все сильнее.

Так появилась на свет первая редакция «Странников». Ее объем составлял тридцать восемь тетрадных листов рукописного текста. Потом я их переписывал раз пять, но без значительного успеха. Чем лучше я овладевал писательским мастерством, тем хуже работала фантазия, а следом за фантазией начали деградировать и остальные психические функции, и вот я занят тем, что пытаюсь сохранить на бумаге даже не свои мечты, не самое лучшее из приходившего мне в голову, *а хотя бы что-то*.

* * *

К слову об идеальной девушке. Я был человеком влюбчивым, но не осознавал этого, считал влюбчивость свойством порочным и порицал людей, в которых она наблюдалась. Мне нравились разные барышни, но преимущественно самые красивые. По мере того, как приходило ко мне осознание собственных возможностей и своего положения в обществе, я начал мечтать о таких барышнях, которые казались бы другим не очень красивыми, а мне — очень. Но и с такими успех не сопутствовал. Тогда я, окончательно убедившись в своем уровне конкурентоспособности, стал миллиардным подтверждением аксиомы, высказанной в диалоге Платона «Пир». «Любящий желает своему любимому несчастья, дабы тот ценил на фоне несчастья его любовь и через то становился ему обязанным». Все эти архетипические сюжеты — из сказок или плохих фильмов, когда главный герой спасает красавицу из царства зла, они ведь родом оттуда. Спасенная красавица становится *обязанной* главному герою и потому любит его. Вот и я хотел спа-

сти красавицу. Но как спасти? Вытащить из огня? Защитить от маньяка? Выхватить из-под колес поезда? Я знал, что сил на то у меня не хватит. Поэтому одной из самых любимых моих фантазий была мечта о девушке-самоубийце, которую я спасу из бездны отчаяния благодаря своей любви и высокой морали (я считал себя духовно выше и чище парней-сверстников, поскольку не лапал девочек, а восторгался ими, и представить себе не мог измену со своей стороны). Такая была и Вельда в «Странниках». Не самоубийца, конечно, но спасенная главным героем и бесконечно уставшая, униженная, совсем сломленная.

* * *

Так бы и получал я шпиритусы от маньяков, малолетних преступников и сумасшедших учителей, а после учебы уходил в мир телевизора и влажных фантазий или шлялся по буеракам с приятелями-безпризорниками, если б не пришел в мою жизнь человек, которого не стыдно назвать другом.

Звали его Дима. Поначалу он относился ко мне не лучше остальных. Может быть, даже и хуже. Он дружил с маньяком, и вместе они унижали меня. Но что-то произошло, и мы подружились.

Этот человек подарил мне второе увлечение: радиолобительство. Детская жадность до игрушек, которая отнюдь не у всех уходит с возрастом, была перенаправлена Димой в новое русло. И я стал собирать старые магнитофоны, радиоприемники, плееры и «ремонтировать» их. Можно было бы удивиться: как это в жизни одного человека находится место для двух столь различных увлечений: писательства и радиолобительства? А никак. Технику я ремонтирую еще хуже, чем пишу. Вместо того чтобы прочитать учебник-другой по радиоэлектронике, я целыми днями просиживаю перед компьютером, думая, что бы написать. А время на раздумье о сюжетах и образах отнимает у меня ковыряние в старых железяках, принципа работы которых я не понимаю. И так длится много лет. Вряд ли было бы лучше, направь я усилия в какое-то одно из этих русел: оба занятия совершенно бесплодны. Вот если б я отбросил

эти хобби и занялся в свое время действительно чем-то полезным, то шанс вырасти нормальным человеком у меня, наверное, имелся бы.

Радиолобительство, в отличие от графомании, все же принесло немало радости. Те несколько лет, что мы дружили с Димой, были замечательным временем. Мы почти ни разу не ссорились и не предавали друг друга, мы вместе мечтали о том, как отомстим нашим врагам, мы мотивировали друг друга хорошо учиться (хотя все равно учились с тройки на четверку). Да, бывало, и пьянствовали, и хулиганили, попадали в милицию.

Один из самых счастливых дней в моей жизни был, когда мы с Димой поехали на электричке в Подмоскowie и немного погуляли по лесу. Обрато мы решили добираться следующим образом: дождались электричку, которая едет до нашей станции с минимумом остановок. Войдя в тамбур последнего вагона, мы встали в двери пивные бутылки, чтобы те не закрывались до конца. И, пронсясь мимо станций и оживленных городских кварталов, мы показывали из полузакрытых дверей голые задницы. Людям, наблюдавшим за поездом, казалось, что задница не успела пройти в тамбур и застряла в закрывающихся дверях. Представляю, как они были озадачены.

Мы твердо решили поступить в МИРЭА — Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Диме очень нравилась Германия, да и мне, когда я про нее почитал, эта страна пришлась по душе. Мы мечтали, как будем учиться, как станем настоящими специалистами и как уедем к черту — туда, где словосочетание «человеческое достоинство» не является пустым звуком.

* * *

Некоторые современные физические теории (или гипотезы) рассказывают, как мириады миров рождаются и умирают в Мультивселенной каждое мгновение времени. Где-то законы физики совершенно не похожи на привычные нашему глазу, и царит в тех мирах странный порядок, кажущийся нам хаосом. Где-то, напротив, имеется зеркальная копия нашего мира. А то и не зеркальная. Где-то бушует ядерная война. А где-то ухитрились построить коммунизм, который нам и не снился. И вот в тех мирах, где атомная война не началась, в таких относительно спокойных Вселенных, как наша, людям поневоле начинает казаться, что перед ними впереди раскатана, как скатерть, дорога в гору. И они видят ее перед собой, эту дорогу. И вот, думают люди, стоит им взять вот ту высоту, а потом вот ту и вот ту, перебраться через зловещую расселину, а потом разбежаться и впрыгнуть вот на тот валун, — станут они царями горы.

Да-да-да, это тому нас с Димой учили, все это мы проходили. И мы наметили их перед собой: высоты, которые предстоит штурмовать, валуны, на которые нужно рискнуть запрыгнуть. Над нашей горной тропой светило солнце и кружились бабочки, и хотя окружали нас одни враги, мы знали, что это нужно вытерпеть, что это один из опасных обрывов, за которым начнется институт и благословенная Германия. Мы видели на улицах алкоголиков и наркоманов, мы смотрели по телевизору репортажи о преступниках и самоубийцах, но продолжали считать, будто видим тропу перед собой и что нужно специально с нее свернуть в густые кусты или полезть вниз с косягора, чтобы жизнь твоя начала рушиться. «Старайся, — учили нас, — и добьешься».

Но ведь мы проходили Пушкина, мы читали стихотворение «Анчар». Почему не предположить, что мы ненароком посеяли семя Анчара и что его смертоносный росток уже проглядывает из теплой пыли нашей дороги жизни?

Решив поступать в МИРЭА, мы сделали роковой выбор. Это еще не было семя Анчара — скорее, ямка, куда мы это семя положим. Причинно-следственная цепь, приведшая к ужасному концу, невероятно тонка и длинна, и удали из нее хоть одно звено, как она перестанет вести, куда ведет. Но с тех самых пор каждое последующее событие становилось звеном цепи. Или веточкой Анчара — как угодно.

Само семя выглядело так: оно было черным, блестящим и округлым, напоминающим яйцо. Это был содовый телефон расширенной функциональности, один из первых так называемых смартфонов. Выглядел он эффектно. Дизайнеры постарались на славу. Сейчас таких красивых смартфонов уже и не делают. Сейчас в моде минимализм¹.

Этот смартфон купил в 2003 году наш одноклассник Денис. Примерно через год он в гневе швырнул несчастную трубку об пол и разбил дисплей. А мы-то с Димой были радиотехниками. Денис отдал смартфон Диме, чтобы тот его восстановил, но спустя месяц вообще отказался от ремонта и купил более модную модель. Дима, в свою очередь, тоже не горел желанием выкидывать достаточно большие деньги на новый дисплей и отдал телефон мне. А я... Я его починил. Если бы я этого не делал, или если бы Дима не отдавал телефон мне, или если бы Денис не швырял его об пол, или если бы мы не решили поступать в МИРЭА, то было бы сейчас все совсем по-другому. Увы, это не те ошибки, по-

¹ У меня нет нужды вспоминать, как выглядел этот смартфон: много лет спустя я нашел такой же на барахолке и, не раздумывая, купил, и сейчас, когда я пишу эти строки, он висит над монитором на веревочке.

следствия которых можно предсказать. Да их и ошибками-то нельзя считать, пока не узнаешь последствия.

Словом, лежал у меня этот телефон несколько лет в ящике стола. Пролежал бы еще полгода — и все было б хорошо. Но нет. Он лежал ровно до окончания нами школы в 2006 году. Потом я нашел на радиорынке экран, установил его, поиграл чуть-чуть и отдал смартфон Диме. Для друга ничего не жалко.

В 2006-м мы сдали вступительные экзамены в МИРЭА. Дима прошел на дневное отделение, а я — только на вечернее. Как знать, как бы все обернулось, подуми я вовремя физику?

В институте мы постигали радости новых знаний, нового общения, новых условий жизни, решали вместе сложные задачки. Идиллия длилась несколько месяцев — пока не настало 2 ноября. 1 ноября вечером я позвонил Диме и договорился о встрече на следующий день. 2 ноября, часов так в 12 дня, я позвонил ему на домашний телефон. Я думал, что Дима, в худшем случае, сейчас в нескольких километрах от меня, сидит в аудитории.

Он был от меня в нескольких часах. И с каждым мгновением это расстояние увеличивалось.

Его убили в светлое время суток, на обочине оживленного московского проспекта, по дороге в институт. Внимание убийцы привлек смартфон. Видимо, он не знал, что тот давно устарел и больше чем за пару тысяч его не загонишь. А может, и знал, но позарез нуждался в деньгах на очередную «дозу».

Я был единственным человеком, который не пришел на похороны. К тому времени я уже встречался со смертью и знал кое-какие особенности своего подсознания. Если я не видел человека мертвым, то для меня он еще долго будет живым. И Дима снится мне, до сих пор. Ради этих снов я нарушил рамки приличия. На наших отношениях с Ритой и Вадимом (родителями Димы) это никак не сказалось: мы подружились, насколько это возможно, и они часто мне помогали.

* * *

Раз уж я упомянул, что успел столкнуться со смертью, то стоит, наверное, сказать пару слов о своей семье. А то как бы ее не забыть.

Детство я провел с мамой и бабушкой. Особенно хотелось бы вспомнить бабушку. Я перед ней очень виноват. Больше, чем перед кем бы то ни было на свете. Мы отлично проводили с ней время. Летом, когда не надо было тащиться в проклятую школу, мы с ней жили на даче. Я пытаюсь вытащить из разлагающейся памяти хотя бы какое-то конкретное событие, но они все давно стерлись под действием болезни. Помню только жару,

наш дом, отделанный внутри деревом, походы в магазин, превращавшиеся в целое приключение, и мороженое «Апельсиновый луч». Помню, у меня был карандаш, точь-в-точь такого оранжевого цвета, как глазурь из замороженного апельсинового сока на этом мороженом. Длинными зимами, сидя на бесконечных (как тогда казалось) уроках, я рисовал карандашом на последних страницах тетрадей это мороженое и мечтал, как снова будет лето, жара, и бабушка снова купит мне это мороженое. Я берег этот карандаш, я безумно любил лето, но карандаш однажды кончился, и кончились счастливые лета.

Однажды я сказал своим мерзким приятелям, что люблю бабушку больше, чем маму. Они долго насмехались надо мной за это, многие годы, пока совсем не повзрослели. Я теперь тоже насмехаюсь над своими словами. Куда делась моя любовь?

Я поступил с бабушкой очень плохо. Так плохо, что не хочу это вспоминать, *никогда*. Все горе, обрушивавшееся на меня в жизни, было справедливо. Я заслужил его, поступив так.

Когда кончился оранжевый, как мороженое, карандаш, бабушка заболела. Она болела несколько лет подряд и все слабела и слабела. Печаль и обреченность копилась в ее комнате. И когда 2 ноября 2005 года она умерла, в ее комнате еще долго никто не жил. Казалось, будто она ослабла настолько, что уже не могла носить человеческий облик, и хотя ее тело отправилось в крематорий, но что-то бесконечно слабое и печальное, во что она выродилась, до сих пор продолжает угасать на том месте, где стояла ее постель.

О смерти я кое-что успел узнать.

* * *

Моя мать, сколько я ее помню, увлекалась политикой. Время от времени в нашей квартире проходили собрания. На них обсуждались различные животрепещущие вопросы, коих в то смутное время хватало с избытком. В середине 90-х мы продали один из дачных участков и купили на эти деньги компьютер (хватило с трудом). Компьютер мать использовала для написания какой-то политической брошюры.

У нас с ней отношения не ладились. Я давно не помню, как именно это проявлялось, однако общий язык мы находили с трудом. Думаю, мать, как и остальные, понимала, что со мной что-то не так, но поскольку любим родителям, кроме совсем выживших из ума, очень тяжело признать неполноценность их ребенка, то ее отчаяние и раздражение из-за моих проблем проявлялось скрытно, хотя от этого и не менее разрушительно. Поначалу мать хотела, чтобы я был лучше осталь-

ных. Помню, в начальной школе мы по много часов, до глубокой ночи, сидели над книжками по математике и физике. Мне хотелось спать, лампа на столе, словно в кабинете следователя, заставляла меня потеть и резала усталые глаза, я ничего не понимал и не мог решить, а мать злилась и говорила, что я «навязался на шею». Спустя несколько лет она убедилась в моей беспросветной тупости и стала надеяться, что я стану хотя бы не хуже остальных. Все во мне ее раздражало: моя походка, моя речь, мои интересы. Она беспрестанно сравнивала меня с нормальными детьми, которых видела в школе, хотя многих из них я считал смертельными врагами. Особенно ей нравился маньяк. Впрочем, он и бабушке нравился. Маньяк был евреем, а моя родня испытывала перед евреями комплекс неполноценности, считая, что все они люди крайне умные и хитрые и достойны потому подражания. Чем особенно привлекал мать маньяк, так это учебой на круглые пятерки. Бабушку же умиляло, что он был толст, прожорлив и отличался завидным здоровьем (если не считать напрочь снесенной башни, приведшей к инвалидности).

Не могу сказать, что мать меня не любила. Конечно, любила, оттого и переживала так чувствительно все мои злоключения. И я очень ее любил. В конце 90-х годов, после эпидемии гриппа, мать сильно заболела и полгода не вставала с постели. Я ходил сам не свой. Сложно представить, как я радовался, когда она наконец выздоровела.

Ближе к середине 2000 годов в нашей квартире появился Интернет. Примерно в это же время мать начали преследовать.

С первым врагом она повстречалась на каком-то протестном митинге. К ней подошел мужчина, представившийся русским патриотом, отсидевшим несколько лет в латвийской тюрьме. Он подарил матери книгу со своими воспоминаниями. Позже, тщательно сопоставив все факты, мать поняла, что он работал в ФСБ. Его книга была заполнена угрозами в ее адрес. Если она не оставит свою политическую деятельность, ее убьют.

Когда к нам провели Интернет, агенты ФСБ стали преследовать мать в виртуальном пространстве. От форума к форуму, от статьи к статье они оставляли ей замаскированные намеки. То в комментариях, то в приватной переписке, то на чьей-то аватарке или в якобы случайном рекламном баннере нет-нет да и проскочит очередное послание: «мы тут, и ты от нас никуда не денешься».

Смерть бабушки не была случайной. Мать долго ее расследовала.

В ту пору на весь мир прогремело убийство в Англии бывшего сотрудника ФСБ Литвиненко. Его отравили полонием-210. Тщательно все обдумав, мать поняла, что

бабушку тоже отравили, возможно, но полонием, но каким-то похожим веществом из группы тяжелых металлов. Тяжелые металлы, объясняла она мне каждый день, имеют свойство медленно накапливаться в организме, постепенно снижая иммунитет, и в итоге приводят к смерти как будто бы от естественной причины. Например, от простуды. Или от рака. На такую смерть никто не обратит внимания и не сочтет убийством.

Когда погиб Дима (а произошло это в тот же день, что и смерть бабушки, только с разницей в один год), мать поняла, что ее не перестали преследовать. Диму убили, чтобы дать ей понять, что ожидает ее и меня, если она не прекратит заниматься политикой. Она прекратила. Но агенты ФСБ не отставали. Они продолжали писать ей угрозы в Интернете, в подъезде; они заходили в наше отсутствие в квартиру и подмешивали тяжелые металлы в продукты в холодильнике; они установили секретное лучевое оружие во дворе, вызывая у матери головные боли. И, конечно, они следили за каждым нашим шагом, дабы найти лазейку для убийства, которое непосвященному человеку убийством не покажется.

* * *

Полгода, прошедшие с момента трагической гибели Димы, я помню как одну сплошную ночь. Я просыпался в четыре дня, когда в наших широтах уже темнело, и шел в институт. Когда я доезжал до него, на улице устанавливалась тьма. Частенько тьма заполняла и сам МИРЭА: денег на освещение не хватало, и в коридорах выключали лампы. Главный коридор института, длиной почти в километр, освещали лишь экраны сотовых телефонов да звезды и планеты из морозного неба за окном. А в районе десяти или одиннадцати вечера я возвращался домой. Я специально шел по тому маршруту, по которому ходил Дима, и держал в руках смартфон, надеясь, что меня убьют. Однако преступник на место преступления возвращаться не спешил.

Ни с кем я в институте толком не подружился, да особенно и не стремился к этому. А к Новому году окончательно плюнул на учебу.

Невзирая на все жизненные неурядицы, я дописал свой первый роман — «Странники» (3-я редакция, ~200 листов А4). Дерьмо получилось редкостное, и ни в одном издательстве не лишились ума настолько, чтобы это напечатать. Поэтому я опубликовал свой опус на одном известном сайте, где было зарегистрировано рекордное количество графоманов. Нетрудно догадаться, о каком интернет-ресурсе я веду речь.

В 2006 году социальная сеть «ВКонтакте» уже существовала, но о ней мало кто знал. Это был последний год безраздельного властвования интернет-форумов

и тематических сайтов. На графоманском ресурсе я проводил все свободное время. Интернет-зависимость развилась молниеносно. Сначала я заходил на сайт, чтобы проверить, не написал ли кто мне отзыв и на сколько изменилось число моих читателей. Начал просматривать страницы тех, кто мои произведения читает. Читал отзывы о них. Пробовал знакомиться с их «произведениями». Получалось далеко не всегда, но я был молод, полон сил, непонятных надежд и часто проглатывал неудобоваримое чтиво до последнего абзаца. Прочитал я этой мути немерено и вскоре понял, что именно являет собой графоман.

Этих графоманов было 99,9 %. На оставшуюся часть проходились авторы, обладавшие талантом, но не развившие его должным образом. И лишь трех по-настоящему талантливых и перспективных писателей нашел я на том сайте за полгода непрерывных поисков. Их звали Зоран Питич, Патрик и Владимир Куземко. Зоран Питич и Куземко представлялись мне людьми, выдавшими жизнь, уже в возрасте, обретшими мудрость и сформировавшими свой собственный подход к жизни. С Патриком все было сложнее. Ему явственно было не намного больше лет, чем мне. Несмотря на данный факт, в нем чувствовался незаурядный талант, если не сказать больше: гениальность.

«Школа — это форменный ад, созданный Богом по заказу Министерства образования. Десять кругов, и в какой ты попадешь, зависит исключительно от уровня твоего интеллекта. Грешники вроде Игната, обитающие в последнем круге, интеллекта не имели вовсе — его высосали черты из предыдущих кругов. Все, что оставалось от некогда способного ума, бесцельно пылилось на полках в кабинете завуча и никакой решительно пользы не приносило».

Понятно, что, пробежавшись взглядом по этому абзацу, я уже не мог не прочитать все остальное.

Семнадцать лет — это такой чудесный возраст, когда из жизни уходят последние остатки детской магии и становится можно то, что раньше категорически запрещалось. Например, делить на ноль. Или извлекать квадратный корень из отрицательного числа. Или посыпать к черту взрослых и все, что они тебе говорили.

Прочитав Патрика, я почувствовал, что меня обманули. Не сегодня и не вчера. Меня обманывали всю жизнь. Обманывали до такой степени, что в моей голове образовался автономный обманщик, продолжавший исторгать ложь даже тогда, когда никто вовне не продуцировал ее.

Много лет спустя я участвовал в археологической экспедиции. Мы раскапывали жилище людей периода мезолита — это было тринадцать тысяч лет назад. Спустившись впервые в раскоп, я не увидел на его дне ниче-

го из того, что ожидал. Ни тебе каменных топоров, ни черепов людей и животных, ни углей доисторического очага. А когда мне объяснили, что именно нам предстоит искать, я понял, что, попадись мне эти предметы, например, во время вскапывания грядок в огороде, я бы, хоть убей, не связал их с деятельностью человека. Разве вот эти плоские камешки могут быть отходами производства копий и остроконечников? Вот этот кусок мутного стекла может быть обсидиановым скребком? А вот эта рассыпающаяся от малейшего прикосновения палка — ну неужели это ребро оленя, поджаренного на костре в сто десятом веке до нашей эры?!

И как лежат и разлагаются под многометровым слоем земли артефакты древних эпох, так пропадали в моем мозгу правильные мысли. Зачатки понимания и философского обобщения. Они после школы образовывались у многих, но никто их толком не мог понять и озвучить. Эти уродливые зародыши мыслей заставляли молодых ребят пьянствовать, надевать нелепые шмотки, вливаться во всевозможные субкультуры и иногда даже губить свою жизнь, вставая на путь медленного саморазрушения или быстрого самоубийства. Требовался археолог, и не с лопатой, а с мягкой кисточкой, который бы извлек мысль из-под груды дерьма, со всех сторон ее осмотрел, почистил, детально описал, положил в коробочку под стеклышко. Таким археологом и был Патрик. Он, правда, рассматривал нарождающиеся мысли только с одной точки зрения — но как искусно он это делал!

Он исследовал страдание. И на этом поприще он достиг совершенства. Ровно настолько, чтобы прийти к самоубийству. Меньше — это было бы не так совершенно, а больше... ну, дальше смерти ведь не шагнешь.

В творчестве Патрика я нашел формы, которые заполнило долгие годы копившееся во мне страдание, связанное и с потерей друга, и со смертью близких, и с ненавистью окружающих, и со взглядом на экзистенциальную бездну. Рядом с рассказами Патрика моя собственная графомания казалась каменными топорами Фир Болг в сравнении с совершенными орудиями эльфов Тоатэ де Даннан.

* * *

Кругом царила тьма, кромешная тьма. Но именно в те черные дни, наступившие после 2 ноября 2006 года, началось мое приближение к райским вратам. Если угодно, я лез к ним по веткам Анчара. Это был не тот рай, которым я называю первые годы своей жизни. Той магии, того мистического, внекатегориального мышления и мироощущения вернуть невозможно. Мой новый — и настоящий — рай находился в жестокой и злой

реальности. Давно довлеет над моей жизнью закономерность: если появляется у меня что-то хорошее, обязательно появится и плохое. Был друг Дима — и были разрушавшие мою жизнь ублюдки. Появился рай — и вместе с блаженством познал я адские страдания. Это синусоида, это океан бытия, где любая волна состоит из горба и впадины: за впадиной горб, за горбом впадина. Но — обо всем по порядку.

Я пошел на работу. В лавочку фотопечати. Находилась она в Сокольниках, и я каждый день отвозил туда из своего района пленки, диски и карты памяти с фотографиями. Там их печатали (я участвовал в процессе), и полученный продукт можно было везти обратно. За все про все платили смешные деньги; я даже озвучивать эту сумму не буду, чтоб не умереть со смеху, когда начну перечитывать резервную копию воспоминаний. Прожить на них не было никакой возможности, но я, как всякий начинающий «успешный человек», четко означил перед собою менее глобальную задачу. А именно решил накопить денег на балалайку, кожаную куртку и жидкокристаллический монитор. Первые две вещи должны были впоследствии способствовать благоволению барышень; без плоского же монитора я не мыслил себя настоящим писателем.

Поставленных целей я достиг, Дейл Карнеги мог бы мною гордиться. Правда, куртка была из кожзаменителя, а вместо балалайки я взял гитару. Играть на ней так и не научился, благоволения барышень добиться не смог, ну а с писательством все и так ясно. Вот такие они неверные, эти маяки океана бытия.

Чтобы заработать на все желаемое, мне пришлось не есть. Приличный обед в то время стоил порядка двухсот рублей. Если умножить двести на количество рабочих дней, то получится сумма чуть бóльшая, чем моя тогдашняя зарплата. С едой работа потеряла бы смысл. Тем не менее нельзя сказать, что она отняла у меня время, ничего не дав взамен. Во-первых, я увидел много дам, как в неглиже, так и просто нагих. Они присутствовали на каждой третьей фотопленке, флеш-карте или компакт-диске. А во-вторых, благодаря заработанным деньгам я смог встретиться с человеком, не просто изменившим мою личность, но фактически создавшим ее.

(Сам не пойму, для чего написал предыдущий абзац. Ведь этого никому не объяснишь. Что значит «создал личность»? Да и при чем тут «никому не объяснишь», если даже сам я этого не пойму, когда моя личность распадется? Все от графомании, от скверной привычки тешить тщеславие.)

Что я мог сказать об этом человеке? У него, как и у меня, были проблемы с родителями. Он, как и я, не умел находить общий язык с окружающими. В школе он прошел через то же, что и я, и это искалечило его душу, да так, что он пытался покончить с собой. Он создал образ человека слабого и болезненного: человека, которым зло этого мира могло крутить и вертеть, как ему вздумается, и творить любое бесчинство. Я бы сказал, что мы с ним оказались очень похожими, если бы не два обстоятельства.

Дело в том, что я стал похож на этого человека *отчасти* только *после* того, как ознакомился с его философией. До того мне даже не закрадывалась в голову мысль, что родители, к примеру, могут быть не правы (если не сказать «быть идиотами»). Что школа, в которой я учился, это, вообще-то, никоим боком не образовательное учреждение, а что-то наподобие концлагеря. И что если окружающие тебя не признают, то далеко не факт, что дело в тебе. Нет, ты тоже очень виноват. Но это не мешает другим быть сволочами и подонками. Да, ты им не нравишься — это твоя вина. А они — они мечтают сжить тебя со свету, *просто потому, что ты им не понравился*.

Почему тогда я походил на этого человека лишь *отчасти*, если наше прошлое и сформированное им мировосприятие настолько совпали?

А потому, что я себя стыдился. А тот человек — он обратил все свои недостатки в художественные образы; он о них писал, да так, что находились люди, стремившиеся на его литературных героев походить. За полгода пребывания на графоманском сайте он обрел неслыханную популярность.

Но даже пойдя я по его стезе, не снискал мне такого признания, какое было у этого человека. Все дело в таланте. Ведь Интернет уже тогда был забит депрессивными ничтожествами, неудачниками, съехавшими с катушек личностями и рисующимися «тонкими натурами». В те годы были построены целые субкультуры, вознесшие на свои знамена «боль», «страдание», «депрессию» и прочие негативные ощущения. Прежде всего, это были готы и эмо. Примешивались к ним и панки, и металлисты, — все, кто черпал вдохновение на темной стороне бытия, но толком эту сторону себе не представлял. «Этого добра в телевизоре и без тебя хватает», — сказала фрекен Бок. А Карлсон ответил ей: «Ну так ведь я еще и талантливый!»

Патрик (а говорю я, разумеется, о нем) был не хуже Карлсона.

Продолжение следует.